

ТРАДИЦИЯ РУССКОГО МОДЕРНА В СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ

Кузнецов Илья Владимирович,
*доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры истории театра, литературы и музыки
Новосибирского государственного театрального института,
630049, г. Новосибирск, Красный пр., 171/4
ORCID: 0000-0001-9629-4012
eliah2001@mail.ru*

Аннотация

Предметом статьи является современная русская поэзия, основанная на военной тематике. Эта поэзия ранее не рассматривалась как художественная система. Она стала предельно интенсивно развиваться в 2022 году в связи с началом военной спецоперации на Украине. Такая поэзия существовала на протяжении всех восьми лет войны на Донбассе, однако теперь она проявилась как сложившаяся тематическая общность, обладающая признаками течения, и привлекла к себе значительное общественное внимание. В конце 2022 года издательство «Итер» выпустило антологию «Воскресшие на Третьей мировой», в которой эта общность представлена всесторонне. Антология объединила поэтов, принадлежащих к разным поколениям, а также придерживающихся разных эстетических принципов. Однако их лирика, представленная в антологии, обладает мировоззренческим единством и обнаруживает общие черты стилистики. Для выявления этих черт использованы сравнительно-исторический, а также феноменологический и герменевтический методы. Их применение позволило сформулировать ряд наблюдений, предстающих как результаты исследования. Эти наблюдения следующие. Современная военная лирика обладает рядом признаков, отличавших искусство русского модерна. Прежде всего это логоцентризм, убеждение в субстанциальности слова и его способности изменять (говоря языком модерна – «преображать») действительность. Следовательно, это вера в теургический потенциал поэзии. Это эсхатологизм и апокалиптичность, специфически свойственные русскому сознанию и со всей отчетливостью проявившиеся в литературе серебряного века. Это фундаментальная религиозность, сочетающаяся с неомифологизмом. Это выраженная идея национальности, ощущение русского мира как Божьего народа, в пределе – Богочеловечества. Это актуализация идеи жизнестроительства.

Из сделанных наблюдений следуют два вывода. Первый: военная поэзия, в том числе лирика военников, сегодня представляет собой одно смыс-

ловое целое, фактически – сформировавшееся течение. Второй: перечисленные выше свойства военной поэзии позволяют считать, что в настоящее время постмодернистский кризис преодолевается русской литературой, и она восстанавливает свою подорванную в 1960-е гг. модернистскую идентичность.

Ключевые слова: военная поэзия, модернизм, логоцентризм, теургия, эсхатологизм, неомифологизм, русская национальность, жизнестроительство.

Библиографическое описание для цитирования:

Кузнецов И.В. Традиция русского модерна в современной военной поэзии // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 3, ч. 2. – С. 383–397. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.2-383-397.

Насыщенный общественными потрясениями 2022 год значительно изменил литературную карту России. Это особенно заметно в лирике, которая по своей природе наиболее отзывчива к жизненным сдвигам. Сложился целый сегмент русской поэзии, остро публицистической и в то же время философской по содержанию. Эта поэзия объединяется не только военной тематикой. Ее стилистические и мировоззренческие особенности становятся признаками течения, связанного с традицией литературы русского модерна.

В настоящей статье мы исходим из предположения, что культура модерна не прекращалась. Существует условная линейка литературных направлений двух последних столетий: романтизм – реализм – модернизм – постмодернизм. Логика этой последовательности побуждает видеть модерн преодоленным, или «снятым», в постмодернизме. Однако, на наш взгляд, модерн полностью не уходил. Его креативный потенциал был истощен двумя мировыми войнами, и настала эпоха реакции, которая назвала себя постмодерном. Но такие выдвинутые русским модерном важнейшие вопросы, как объединенное человечество [21] и новое религиозное сознание [16], остались открытыми и ждут решения. Постмодернизм и как философия, и как эстетика исчерпал себя к концу XX века. На Западе об этом заявила Линда Хатчеон [24]. В российском научном пространстве о неорганичности постмодерна для национальной культуры предупреждала О.В. Богданова [3]. И когда на фоне столкновения с Западом российское общество стало отворачиваться от постмодернистских идей (это ясно показал, в частности, прошедший летом 2022 года съезд Совета молодых литераторов [11]), традиция модерна актуализировалась.

Изданием военной поэзии занялось санкт-петербургское издательство «Питер». В конце 2022 года здесь вышел сборник стихов Игоря Караулова «Моя сторона истории» [10]. Затем была опубликована антология военной

поэзии 2014–2022 годов «Воскресшие на Третьей мировой», составленная Алексеем Колобродовым, Захаром Прилепиным и Олегом Демидовым [5]. В этой антологии военная поэзия предстает как единая смысловая и художественная общность. Название антологии отражает ее замысел: она соединила русских поэтов, голос которых воскрес из забвения в военных условиях. Поэзия вновь стала нужна, потому что содержание настоящей поэзии – это **правда**. Захар Прилепин так развивает эту мысль: «Вглядываясь в русскую историю, я вижу оправдание многим событиям собственно в литературе. В поэзии как наивысшей форме языка. <...> Значит, там была правда» [5, с. 7].

В антологии приняли участие поэты разных поколений и литературных объединений. Владимир Алейников и Юрий Кублановский в конце 1960-х годов принадлежали к ленинградской группировке «СМОГ». Андрей Добрынин, Виктор Пеленягрэ и Вадим Степанцов в 1990-х составляли «Орден куртуазных маньеристов». В издании выступили такие авторитетные литераторы, как Александр Проханов и Олеся Николаева, сами по себе очень разные. Встреча всех этих авторов на страницах антологии свидетельствует об универсальности патриотического подъема, разделяемого поэтами разных поколений и эстетических платформ.

Мария Ватутина в своих стихах выражает этот подъем с метафизическими интонациями. Как поэт антологии, она формулирует сверхответственный вызов: «*Слушай новых пророков своих*» [5, с. 40]. Так она напоминает, что «поэт в России больше, чем поэт»: обстоятельство, восходящее к особому статусу художественного слова в русской культуре, объясненному Юрием Лотманом [13]. Про свое стихотворение Ватутина говорит: «*Оно – оружие дальнбойное, // Реактивный снаряд. <...> // Оно – служение // Русскому языку. <...> // Слово русское – материальное, // Будет, как скажу*» [5, с. 52, 53]. Убеждение в субстанциальности русского слова, вообще **логоцентризм** – лейтмотив русской культуры, в эпоху модерна переосмысленный в качестве **теургического** ресурса [8]. В XXI веке он сделался осознанным писательским рабочим приемом, так что Павел Крусанов говорит: «Книги – это и способ влиять на реальность. <...> Литература – прямая наследница магии, сложной практики наведения образа, к которому подтягивается действительность» [9, с. 213]. У Ватутиной именно этот теургический потенциал слова актуализируется: «*Будет, как скажу*». В рассматриваемой антологии сквозная тема такова, что русское слово – не просто материальная сила, но боевая сила: слово – это оружие. Поэтому Герман Титов с аллюзией на Евангелие естественно соединяет в своих стихах гражданский и религиозный пафос: «*И горы двигает слово, // Когда прицельны слова*» [5, с. 355].

«*Вот уж не думал, // что на старости лет // буду начинать утро // со сводок с фронта // и похожих на верлибры реляций*» [5, с. 165], – констатирует Юрий

Кублановский, прочитывая фронтовые сводки как стихи. Игорь Караулов выражается решительнее: «Назову я молодых поэтов: // Моторола, Безлер, Мозговой» [10, с. 15] – он перечисляет героев современных сражений. В приведенных стихах открывается идея **жизнестроительства**, которая очень важна для сущностного понимания нашего времени. Она заключается в том, что поэт – это тот, кто делает из своей жизни произведение искусства: живет ярко, в высоком смысле красиво. Как бы к этой идее ни относиться, она по своей сути модернистская. Она вдохновляла и организовывала художественную жизнь русского серебряного века [8]. И в военной поэзии культура модерна находит свое продолжение.

Для философии русского модерна одной из ключевых была идея о **Богочеловечестве**, выдвинутая Владимиром Соловьевым [21]. Эта идея отчетливо слышится в лирике антологии, трансформируясь в идею **Божьего народа** – русского мира. Олеся Николаева трактует народную общность как надмирное Богоданное единство:

*И Ангел, выходя вперед,
с размаха бьет в кимвал,
глаголя:
– Это мой народ,
Господь его мне дал!* [5, с. 245]

Образ Божьего народа – русского мира – в российской культуре последнего десятилетия обрел зримое воплощение: это Бессмертный полк. Составители антологии отмечают, что большинство представленных в ней поэтов «объединяет одна очень русская эмоция (она же – важнейшая лирическая идея) о том, что у Бога мертвых нет и наши павшие продолжают воевать с нами бок о бок, одновременно являясь защитой живых и их небесным представительством» [5, с. 14]. Иван Купреянов в стихотворении «Бессмертный полк» воскрешает интонации Владимира Высоцкого: наши мертвые нас не оставят в беде:

*Мертвые и живые –
Это один народ. <...>
Если живые струсят –
Мертвые встанут в строй. <...>
Будет из Рая вынут
Снова Бессмертный Полк* [5, с. 184, 185].

«Райская» локализация Бессмертного полка вкупе с его принадлежностью к народному единству русского мира утверждает образ Божьего народа. **Национальная** окраска военной поэзии, ранее отличавшая искусство русского модерна, возвращает размытую постмодерном субстанциальность не только слову, но и предметному миру: мы вновь ощущаем прикоснове-

ние настоящей, не пластмассовой жизни. Об этом строки Алисы Орловой в стихотворении «Русские голоса»:

Внезапно кончается черная полоса.

*И в светящейся глубине, на дне большого и белого
арктического безмолвия, начинают звучать русские голоса <...>
словно кто-то достал из серванта пыльный хрусталь
и накрыл на стол, и при этом укладкой всхлипывает:
ведь придут – не все... [5, с. 259].*

Поэт разворачивает картину, делая участниками воображаемого застолья Достоевского с Пушкиным, Бродского, Лермонтова, Высоцкого. Очевидно, перед нами тот же русский мир – **Богочеловечество**, к которому неизменно стремился русский модерн:

Но звучат всё громче, звучат всё крепче – русские голоса.

И уже не гаснет Вечный огонь бессмертия [5, с. 260].

Алиса Орлова недаром актуализирует среди персонажей русского мира образы поэтов. Этот мир держится субстанциальностью русского слова. Поэтому лирика антологии пронизана отсылками к образам русских поэтов и их творчеству. Светлана Кекова соткала свой текст из отсылок к Александру Пушкину и Дмитрию Мережковскому: «Пусть сердцам тщедушным и малодушным // угрожает пулей грядущий хам, // нам нельзя молчать, потому что Пушкин // отвечает новым клеветникам» [5, с. 142]. Алексей Шмелёв говорит о врагах: «Они пришли не за тобой – // они за словом, // стихами Пушкина пришли, // Толстого прозой» [5, с. 371]. То и дело поэты антологии обыгрывают Блока: так, Вадим Месяц насыщает свой текст цитатами из «Скифов»: «Нам больше нечего терять. // Товарищи, мы станем братья! // О, сколько можно повторять: // придите в мирные объятия!» [5, с. 223]. Однако Дмитрий Мурзин справедливо замечает, что сегодня в противоположность серебряному веку образ Блока уже не звучит как голос эпохи. Он очевидно сменяется другим:

О подвигах, о доблести, о славе

Не стоит слушать разговоров Блока <...>

О подвигах, о доблести, о славе

Нам лучше разузнать у Гумилёва [5, с. 236].

Актуализация образа Гумилёва в современной поэзии очень заметна. И неудивительно: ведь именно на опыте Гумилёва воспиталась романтическая балладная лирика советской, в том числе военной, эпохи, сегодня снова оказавшаяся в фокусе общественного внимания. «Экзотический романтизм, приверженность “музе дальних странствий”, эстетизация боя, опасности риска и театрально-мужественная поступь, трагически оплаченные судьбою первого акменста, – были взяты напрокат <...> адептами тоталитарной романтики: от Н. Тихонова и В. Луговского до К. Симонова и

А. Суркова (при этом явная образно-интонационная ориентация на долгие годы запрещенного предтечу тщательно скрывалась)», – писала Татьяна Бек [1, с. 9]. Гумилева сочувственно упоминает или цитирует в антологии не только Мурзин, но и Олег Демидов и Семен Пегов. Образ Гумилева стал парадигматическим для пишущих о войне, особенно для военкоров. Составители антологии констатируют: «Интегральная фигура – Николай Гумилёв» [5, с. 14]. А фигуры военкоров Великой Отечественной у Максима Замшева оказываются небесными покровителями нынешнего воинства:

*По родимой по южной земле продвигаются танки,
И над ними, смотри, чьи-то тени, одетые в форму.
Это Симонов, Слуцкий, смотри же, а вот Левитанский,
Нам не сдюжить без них, нам нужна эта вечная форма. <...>
Коммунисты, сегодня они, словно лики с иконы,
Отгоняют от нас вельзевуловых полчищ засилье* [5, с. 106].

Коммунисты Великой Отечественной и подвижники христианства у поэта сближаются их общим заступничеством за родную землю. О том же сказала Олеся Николаева: «С общей молитвой теперь ставят свечу // За воинов – коммуниста и монархиста» [5, с. 244]. В целом, **национальность** является одним из важных «интеграторов», выражаясь словами Дмитрия Максимова [15, с. 41], военной поэзии. При этом обнаруживаются два обстоятельства.

Первое, что образ Бессмертного полка – русского мира – Божьего народа – Богочеловечества, конечно, модернистский. После Соловьева его поставил в центр своей философской концепции Дмитрий Мережковский, у которого Богочеловечество – это смысл **Третьего Завета**: «Первый Завет – религия Бога в мире; второй Завет Сына – религия Бога в человеке – Богочеловека; третий – религия Бога в человечестве – Богочеловечества» [16, с. 141]. Идея Третьего Завета создавала парадигму русского модерна. Николай Гумилев говорил в интервью: «В России до сих пор сильна вера в Третий Завет <...> мистическая поэзия связана с этим ожиданием» [17, с. 307]. Сергей Есенин в «Сельском часослове» определил: «Русь – начертательница Третьего Завета» [7, с. 169]. А национальная подоплека идеи Третьего Завета в философских кругах представлялась очевидной: «Идеи Мережковского – последняя яркая вспышка славянофильства», – считал Петр Струве [22, с. 164]. Концепция Третьего Завета внутренне связана с представлением о пути России, которой, по мысли Мережковского, и суждено осуществить этот Третий Завет.

Второе – то, что конструирование русской национальной идентичности вернее всего совершается через тему войны. Отсюда тема сакральной, «священной» войны: «Так вставай же, моя страна, – <...> // Поднимайся, ты – вновь огромна», – цитируя гимн Василия Лебедева-Кумача, пишет Марина Кулакова [5, с. 179]. С предельной ясностью тема «русское как военное»

раскрывается в лирике Игоря Караулова. Одно из его стихотворений показательно называется «Победители»: *«Русские неплохие люди, // но у них есть одна отвратительная черта. // Они всегда побеждают»* [10, с. 21]. Предупреждая о том, что следующая победа русских, возможно, станет роковой для всех, поэт обещает: *«Останутся только люди // в Гималаях, на Килиманджаро. // Постепенно спустятся с гор, // Будут жить по новым заповедям. // Родить сына, // построить дом, // поставить памятник русскому»* [10, с. 23].

«Русскость», по Караулову, не обретается умственным поиском, а дается по праву рождения, и она необязательно удобна для себя или окружающих. *«Хочется одного слова, // и это слово Россия. // Злое, как хрен без свеклы, // горькое, как победа...»* [10, с. 32]. Отвечая на присущую европейскому кругозору оценку России как «страны рабов», Караулов указывает причину этого показного презрения к нам: зависть. *«Только рабам – этот гордый простор, // только рабам – потаенные клады // волчьих лесов и медвежьих озер. // Злятся свободные: ну вы и гадь!»* [10, с. 42]. Сейчас на Западе принято с опорой на конструкции из литературы фэнтези называть русских «орками»; Караулов не против. *«Орки? Пускай себе орки. // Главное, не слабаки. <...> Эльфы, мы с вами навеки. // Мы здесь теперь навсегда»* [10, с. 106]. Что же касается свободы, то у Караулова именно война и есть способ ее обретения – свободы от *«содома, // что притворялся пластиковым раем»* [10, с. 149]. Поэт с удовлетворением констатирует: *«Моя страна уходит на войну. // Вернее, на войну бежит из плена»* [10, с. 149].

А еще Караулов напоминает национальный рецепт бессмертия. Этот рецепт не связан, как можно было бы предположить, с интенсивностью религиозного переживания. Он заключается в способе жизненного действия. *«На войне только гибель, // смерти нет на войне. <...> // И бывает, от смерти // убегают на фронт. // Где стальные богини, // огневая страда. // Где зерно, что погибнет, // не умрет никогда»* [10, с. 110, 111]. Этот рецепт имеет подчеркнутое последними стихами евангельское происхождение, преломленное через Достоевского.

В целом же понятие «русский» у Караулова обретает метафизическую природу. *«Русское – это слово, // что обретает плоть. <...> // Русское – это небо, // в котором все свои»* [10, с. 259]. Конечно, говоря о «небе, где все свои», поэт ведет речь о Царствии Небесном, которое на нынешнем повороте истории оказалось очень близко от земли. Так, в другом стихотворении, предметом которого стал разрушенный поселок, читаем: *«Поселок был под ВСУ, // теперь над облаками. <...> // И рядом Иерусалим, // за влажным терриконом»* [10, с. 153].

Очевидно, что лирике антологии свойственна религиозность, и это тоже черта русского модерна в противовес постмодерну. Идущая война принимает образ войны за веру. Антон Шагин говорит про бойца: *«Из брони*

на нем – только крест» [5, с. 370]. А у Владимира Безденежных военное противостояние в целом обретает апокалиптическую окраску: «Мы – Господня десница, // Мы – Архангела меч» [5, с. 33]. Само название антологии «Воскресшие на Третьей мировой» – это формула из стихотворения поэта и священника Дмитрия Трибушного, сказавшего про воинов сегодняшних битв: «Зарытые в планету, как зерно // Для будущих счастливых поколений» [5, с. 357]. Евангельски-достоевское «зерно, что, падши в землю, умрет и принесет много плода» (Ин. 12 : 24), здесь вновь использовано.

Тема русской весны, способствующей этому возрождению, проходит через всю антологию. У Андрея Добрынина:

*Случаются года благие,
Когда весна приходит так.
Когда через войну приходит
То, что готовилось уже
И много месяцев – в природе,
И много лет – в людской душе* [5, с. 76].

Елена Заславская завершила свою поэму с характерным названием «Записки ветерана Апокалипсиса» словами: «Я верю в жизнь после смерти. // И в мир после нашей победы!» [5, с. 119]. Во взгляде поэта мир после нашей победы – это мир постапокалиптический. Но в этом взгляде присутствует эсхатологический оптимизм: как будет обновленная жизнь после смерти, так и мир после победы будет неизбежно.

Эсхатологический и **апокалиптический** пафос лирики «русской весны» традиционно был свойствен русской интеллигентской мысли в ее тяготении к Царствию Небесному. «Известная неотмирность, эсхатологическая мечта о Граде Божьем, о грядущем царстве правды <...> составляют неизменные и отличительные особенности русской интеллигенции» [4, с. 36]. Этот пафос в полной мере проявил себя в культуре и искусстве серебряного века. Апокалиптика предполагает стоическое отношение к гибели: такое, как у символистов, вдохновленных идеей Третьего Завета – в «Грядущих гуннах» Брюсова, в блоковском «Рожденные в года глухие». Сегодня Олег Демидов философски замечает: «Со смертью тут у нас не шутят, // Со смертью до смерти живут» [5, с. 67]. Игнорируемое легковесным потребительским миром присутствие смерти наполняет жизнь трагическим величием. Отсюда секрет непобедимости, сформулированный Игорем Мальшевым:

*...И вдруг я понял: ничего не жаль <...>.
Штатается родимый Вавилон,
Останкино и Эйфелева башня.
Мы мясо злое, скифы, мокша – Рашка.
И ничего не жаль. Как глупый сон* [5, с. 217].

Здесь воскрешается скифская тематика, в связи с идеей Третьего Завета свойственная серебряному веку, и в частности упомянутым Брюсову и Блоку [19]. Религиозность поэзии «русской весны», окрашенная третьезаветным эсхатологизмом, – специфически модернистская. У поэтов то и дело происходит сакрализация или одушевление военной техники. Андрей Добрынин говорит про танкистов: «*I ангелы-вертолеты им расчищают путь*» [5, с. 77]. У Анны Долгаревой: «*Бабушка крестила вертолётты, // трооперстьем в воздухе крестила*», а вертолеты при этом отправляются «*за реку Лету*» [5, с. 95]. Вражеский вертолет у Андрея Добрынина – это «*птица Рок*», а чтобы уничтожить ее, «*молитву прочтет стрелок*» [5, с. 70, 71]. Игорь Караулов в стихотворении «Сон Ахилла» сравнил нынешнюю войну с Троянской: у него «*снятся Ахиллу родные березки, // снятся вдали тополя <...> // Снятся отцово ружье и бахилы, // Рыжая грива коня*» [10, с. 19]. Ахилл Караулова – не мифологическое существо, а обычный русский мужик, но он для поэта и есть настоящий эпический герой. Эта опора на фольклорную и мифологическую образность – проявление неомифологизма, специфически характерного для искусства модерна [14] (и безосновательно приписываемого также постмодерну [12]).

Отмеченное в начале статьи отталкивание от постмодерна как философии и эстетики у ряда современных поэтов становится подчеркнутым. Игорю Караулову с тех пор, как «*Эвтерпа сделалась валькирией // II сошла в окопный уют*» [10, с. 15], прежний поэтический опыт увиделся как несовместимый с состоявшимся перерождением. О себе прежнем он признается: «*Я тогда отслеживал новинки // дегенеративного искусства*» и говорит о персональном моменте истины, заставившем отвернуться от либеральной среды: «*А когда они сожгли Одессу, // концептуализма корифеи, // и свою коричневую мессу // праздновали в каждой галерее, // и когда весенний Мариуполь // расстреляли рыцари дискурса, // тут-то и пошел во мне на убыль // интерес к их модному искусству*» [10, с. 99, 100].

Этот момент расставания с идолами постмодернизма рано или поздно приходилось переживать отечественным интеллектуалам, выросшим на беспочвенных мнениях конца XX века. Для многих именно военный конфликт стал толчком к пересмотру взглядов. Игорь Караулов точно передает суть происходящего: «*Мы ушли на войну с лесбиянками, // с невидимками в белых пальто. // Против них не воюется танками. // Нужно что-то другое. Но что? // В это утро холодное, раннее // мы выходим с теньями на бой. // Предстоят нам котлы подсознания // и сраженья с самими собой*» [10, с. 69]. Про такие сражения писал опять-таки Достоевский в «Братьях Карамазовых»: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [6, с. 123]. Сегодня в этой давно готовившейся битве проясняются взгляды и обретаются подлинные ценности. А памятные места наружных сражений обре-

тают символические черты: «Пусть превратится Азовсталь... // в музей того, чем была Европа, // в музей псевдокультурной нечисти, // в музей поруганной человечности» [10, с. 79].

Поэзия «русской весны» очень цитатна. Но этот прием, характерный для постмодернизма, здесь меняет свою функцию. У Игоря Караулова цитата не повод для деконструкции, а строительный материал, из которого собирается русская идентичность: это память детства, любимые образы из книг и песен: «Позабывтое заново пройдено. // Что задумался, рыцарь на час? // Не с того начинается Родина? // Но с чего-то же надо начать. // Наконец, остаются Каштанка, // Белый Бим и собака Муму // и сидят у разбитого танка, // вопрошительно глядя во тьму» [10, с. 68].

Стихи Игоря Караулова не только путем интертекстуальных переключек, но и тематически отсылают к совокупному опыту военной лирики во всем ее объеме за последнее столетие. Когда поэт в связи с началом боев заявляет: «Нынче правды в мире стало больше, // и она на нашей стороне» [10, с. 108], то вспоминается начало поэмы Александра Твардовского «Василий Теркин», где прямо сказано: «На войне... // Не прожить без правды sequer, // Как бы ни была горька» [23, с. 92]. Возвращаясь к уже затронутой теме свободы, заметим, что чувства правды и радостной свободы, парадоксально открывшиеся с войной, поэт разделяет с целым рядом своих старших предшественников. Это Ольга Берггольц, вспоминая о блокадном Ленинграде: «Такими мы счастливыми бывали, // такой свободой бурно дышали, // что внуки позавидовали б нам» [2, с. 230]. Или Давид Самойлов, в стихотворении «Если вычеркнуть войну»: «Ведь из наших сорока // Было лишь четыре года, // Где нежданная свобода // Нам, как смерть, была сладка» [20, с. 42]. А герои Бориса Пастернака в романе «Доктор Живаго» считали: «Когда возгорелась война, ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки и несли облегчение» [18, с. 490].

Правда – это то, что пребывает, чему свойственно, говоря словами Ницше, «вечное возвращение». Точная формула субстанциальности русского мира, его подлинности – правды есть в стихах Игоря Малышева: «Здесь случается только то, чего не может не быть, // И то, что больше нигде не может случиться». Поэт представил диптих «1613–1943», в одной части которого лирическим субъектом выступает Иван Сусанин: «Что, пан, хороши костромские леса?», а в другой – немецкий офицер: «После Наполеона, Чингис-хана и всех Ажедмитриев // Какого черта мы вообще тут высадились?» [5, с. 214, 215]. XVII и XX века проецируются на современность, и эффект «вечного возвращения» становится впечатляющим.

К сказанному добавим, что военная поэзия уже имеет признаки гипертекста. У Игоря Караулова: «Я не знаю, где стоит Гагарин. // Где-то над Мо-

сквой» [10, с. 124], далее следует разговор с космонавтом. Внутри военной поэзии это отсылка к широко известному стихотворению Анны Долгаревой «Бог говорит Гагарину...» – и это признак того обстоятельства, что военная поэзия, в том числе лирика военкоров, сегодня представляет собой одно смысловое целое, фактически – сформировавшееся течение. Это, как говорили русские филологи 1920-х годов, «литературный факт», на глазах входящий в историю русской литературы.

* * *

Подытоживая сделанный обзор, мы убеждаемся, что современная военная лирика несет в себе многие признаки, отличавшие искусство русского модерна. Прежде всего это логоцентризм, убеждение в субстанциальности слова и его способности изменять (говоря языком модерна – «преобразовать») действительность. Следовательно, это вера в теургический потенциал поэзии. Это эсхатологизм и апокалиптичность, специфически свойственные русскому сознанию и со всей отчетливостью проявившиеся в литературе серебряного века. Это фундаментальная религиозность, сочетающаяся с неомифологизмом. Это национальная окраска, интуиция русского мира как Божьего народа, в пределе – Богочеловечества. Это актуализация идеи жизнестроительства. Перечисленные свойства военной поэзии позволяют думать, что постмодернистский кризис преодолевается русской литературой, и она восстанавливает свою подорванную в 1960-е годы модернистскую идентичность.

Литература

1. Антология акмеизма: Стихи. Манифесты. Статьи. Заметки. Мемуары. – М.: Московский рабочий, 1997. – 366 с.
2. Берггольц О. Ф. Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1983. – 608 с.
3. Богданова О.В. Постмодернизм: к истории явления и его органичности русскому литературному процессу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. – 2003. – Вып. 2. – С. 73–88.
4. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции; Из глубины: сборник статей о русской революции. – М.: Правда, 1991. – С. 31–72.
5. Воскресшие на Третьей мировой. Антология военной поэзии 2014–2022 гг. – СПб.: Питер, 2023. – 416 с.
6. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. В 15 т. Т. 9. – Л.: Наука, 1991. – 704 с.
7. Есенин С.А. Сочинения. – М.: Художественная литература, 1991. – 701 с.
8. Исаев К.Г. Философия и литература серебряного века (сближения и перекрестки) // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): в 2 кн. Кн. 1. – М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. – С. 69–130.

9. Как мы пишем: писатели о литературе, о времени, о себе. – СПб.: Азбука, 2018. – 640 с.
10. *Караулов П.* Моя сторона истории. – СПб.: Питер, 2023. – 160 с.
11. *Косяков Д.* Конец постмодерна // Что случилось: литературно-политический сайт писателя Дмитрия Косякова. – URL: <https://whatshappened.today/2022/08/31/конец-постмодерна/> (дата обращения: 24.08.2023).
12. *Кузнецов П.В.* Мифология мифа как фундамент культуры постмодерна // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2022. – Т. 24, № 1. – С. 42–49.
13. *Лотман Ю.М.* Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Лотман Ю.М. О поэзии и поэтах. – СПб.: Искусство-СПб, 1996. – С. 254–265.
14. *Лотман Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М.* Литература и мифы // Мифы народов мира: в 2 т. Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – С. 58–65.
15. *Максимов Д.Е.* Поэзия и проза Александра Блока. – Л.: Советский писатель, 1981. – 552 с.
16. *Мережковский Д.С.* Не мир, но меч. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 720 с.
17. Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. – СПб.: Наука, 1994. – 678 с.
18. *Пастернак Б.А.* Доктор Живаго: роман. – М.: Советский писатель, 1989. – 736 с.
19. *Покачалов М.В.* Скифская тема в поэзии В.Я. Брюсова // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – № 6. – С. 100–102.
20. *Самойлов Д.С.* Жизнь сплетает свой сюжет. – М.: НовоМедиа: Комсомольская правда, 2012. – 238 с.
21. *Соловьев В.С.* Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1989. – С. 5–170.
22. *Струве П.* Спор с Д.С. Мережковским // Д.С. Мережковский: pro et contra: личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 158–170.
23. *Твардовский А.Т.* Стихотворения и поэмы. В 2 т. Т. 2. – М.: ГИХЛ, 1954. – 384 с.
24. *Hutcheon L.* The Politics of Postmodernism. – New York; London: Routledge, 2002. – 232 p.

Статья поступила в редакцию 11.04.2023.

Статья прошла рецензирование 17.05.2023.

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.2-383-397

THE TRADITION OF RUSSIAN ART NOUVEAU IN MODERN MILITARY POETRY

Kuznetsov, Ilya,

Dr. of Sc. (Philology), Associate Professor,

Professor of the Department of Theater, Literature and Music History

Novosibirsk State Theater Institute,

6 Revolution Street, Novosibirsk, 630099, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9629-4012

eliah2001@mail.ru

Abstract

The subject of the article is modern Russian poetry based on military themes. This poetry was not previously considered as an artistic system. It began to develop extremely intensively in 2022 in connection with the beginning of the special military operation in Ukraine. Such poetry existed throughout the eight years of the war in the Donbas, but now it has manifested itself as an established thematic community, with signs of a current, and has attracted considerable public attention. At the end of 2022, the publishing house “Peter” released the anthology “Resurrected in the Third World”, in which this community is presented comprehensively. The anthology brought together poets belonging to different generations, as well as in some cases adhering to different aesthetic principles. However, their lyrics, presented in the anthology, have ideological unity and reveal common stylistic features. Comparative-historical, as well as phenomenological and hermeneutic methods were used to identify these features. Their application allowed us to formulate a number of observations that appear as the results of the study. These observations are as follows.

Modern military lyrics have a number of features that distinguished the art of Russian Art Nouveau. First of all, it is logocentrism, the belief in the substantiality of the word and its ability to change (in the language of modernity – “transform”) reality. Hence, it is a belief in the theurgic potential of poetry. This is eschatology and apocalypticism, specifically characteristic of the Russian consciousness and clearly manifested in the literature of the Silver Age. This is a fundamental religiosity combined with neo-mythologism. This is a pronounced idea of nationality, a sense of the Russian world as God’s people, and in the extreme case, as a divine people. This is the actualization of the idea of life-building.

Two conclusions follow from the observations made. First: military poetry, including the lyrics of military commanders, today represents one semantic whole, in fact, a formed current. Second: the above-mentioned properties of military poetry allow us to believe that at present the postmodern crisis is being overcome by Russian literature, and it is restoring its modernist identity, which was undermined in the 1960s.

Keywords: military poetry, modernism, logocentrism, theurgy, eschatology, neo-mythologism, Russian nationality, life-building.

Bibliographic description for citation:

Kuznetsov I. The Tradition of Russian Art Nouveau in Modern Military Poetry. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 3, pt. 2, pp. 383–397. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.2-383-397.

References

1. *Antologiya akmeizma: Stikhi. Manifesty. Stat'i. Zametki. Memuary* [Anthology of Acmeism: Poems. Manifestos. Articles. Notes. Memoirs]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1997. 366 p.
2. Berggol'ts O. F. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1983. 608 p.
3. Bogdanova O.V. Postmodernizm: k istorii yavleniya i ego organichnosti russkomu literaturnomu protsessu [Postmodernism: Its History and the Modern Literary Process]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria 2, Istorija, azykoznanie, literaturovedenie*, 2003, iss. 2, pp. 73–88.
4. Bulgakov S.N. Geroizm i podvizhnichestvo [Heroism and asceticism]. *Vekhi: sbornik statei o russkoi intelligentsia. Iz glubiny: sbornik statei o russkoi revolyutsii* [Milestones: A collection of articles about the Russian intelligentsia. From the depths: A collection of articles about the Russian Revolution]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 31–72.
5. *Voskresshie na Tre'tei mirovoi. Antologiya voennoi poezii 2014–2022 gg.* [Resurrected in the Third World War. Anthology of Military Poetry 2014–2022]. St. Petersburg, Piter Publ., 2023. 416 p.
6. Dostoevsky F.M. *Sobranie sochinenii*. V 15 t. T. 9 [Collected Works. In 15 vols. Vol. 9]. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 704 p.
7. Esenin S.A. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991. 701 p.
8. Isupov K.G. Filosofiya i literatura «serebryanogo veka» (sblizheniya i perekrestki) [Philosophy and literature of the “Silver Age” (convergence and crossroads)]. *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov)*. V 2 kn. Kn. 1 [Russian Literature of the turn of the century (1890s – early 1920s). In 2 bk. Bk. 1]. Moscow, IMLI RAN Publ., Nasledie Publ., 2001. 960 p.
9. *Kak my pishem: pisateli o literature, o vremeni, o sebe* [How we write: writers about literature, about time, about themselves]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2018. 640 p.
10. Karaulov I. *Moya storona istorii* [My side of the story]. St. Petersburg, Piter Publ., 2023. 160 p.
11. Kosyakov D. Konets postmoderna [The End of Postmodern]. *Chto sluchilos': literaturno-politicheskii sait pisatelya Dmitriya Kosyakova* [What happened: the literary and political website of the writer Dmitry Kosyakov]. Available at: <https://whatshappened.today/2022/08/31/konec-postmoderna/> (accessed 24.08.2023).
12. Kuznetsov I.V. Mifologiya mifa kak fundament kul'tury postmoderna [The Mythology of myth as the foundation of Postmodern culture]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2022, vol. 24, no. 1, pp. 42–49.

13. Lotman Yu.M. Russkaya literatura poslepetrovskoi epokhi i khristianskaya traditsiya [Russian literature of the Post-Petrine era and the Christian tradition]. Lotman Yu.M. *O poezii i poetakh* [About poetry and poets]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1996, pp. 254–265.
14. Lotman Yu.M., Mints Z.G., Meletinskii E.M. Literatura i mify [Literature and myths]. *Mify narodov mira*. V 2 t. T. 2 [Myths of the peoples of the world. In 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1982, pp. 58–65.
15. Maksimov D.E. *Poeziya i proza Aleksandra Bloka* [Poetry and prose by Alexander Blok]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1981. 552 p.
16. Merezhkovskii D.S. *Ne mir, no mech* [Not peace, but a sword]. Khar'kov, Folio Publ., Moscow, AST Publ., 2000. 720 p.
17. *Nikolai Gumilev: Issledovaniya i materialy. Bibliografiya* [Nikolay Gumilev: Research and materials. Bibliography]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 678 p.
18. Pasternak B.L. *Doktor Zhivago* [Doctor Zhivago]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1989. 736 p.
19. Pokachalov M.V. Skifskaya tema v poezii V.Ya. Bryusova [The Scythian theme in V.Y. Bryusov's Poetry]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii = Cultural studies Russian South*, 2007, no. 6, pp. 100–102.
20. Samoilov D.S. *Zhizn' spletaet svoi synzhet* [Life weaves its own plot]. Moscow, NovoMedia Publ., Komsomol'skaya pravda Publ., 2012. 238 p.
21. Solov'ev V.S. Chteniya o Bogochelovechestve [Readings on God-Manhood]. Solov'ev V.S. *Sochineniya*. V 2 t. T. 2 [Essays. In 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 5–170.
22. Struve P. Spor s D.S. Merezhkovskim [Dispute with D.S. Merezhkovsky]. *D.S. Merezhkovskii: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Dmitriya Merezhkovskogo v otsenke sovremennikov* [D.S. Merezhkovsky: pro et contra: personality and creativity of Dmitry Merezhkovsky in the assessment of contemporaries]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2001, pp. 158–170.
23. Tvardovskii A.T. *Stikhotvoreniya i poemy*. V 2 t. T. 2 [Lyrics and poems. In 2 vols. Vol. 2]. Moscow, GIKhL Publ., 1954. 384 p.
24. Hutcheon L. *The Politics of Postmodernism*. New York, London, Routledge, 2002. 232 p.

The article was received on 11.04.2023.

The article was reviewed on 17.05.2023.